

Елизавета Ковальская

Мрак

18+

Елизавета Ковальская

Мрак

<https://litres.ru/74095074>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кира живет под грузом чужого презрения: в ее доме любовь давно умерла, а каждый взгляд больше похож на урад. Единственная опора - подруга, которой и самой едва хватает сил держаться на плаву. И когда из мрака возникает он - пугающе похожий на нее саму, - кажется, что это шанс вырваться. Но его присутствие не рассеивает тьму, а делает ее осязаемой. Пока Кира пытается отличить реальность от собственных страхов, ее сознание трещит по швам. В самом финале ты поймешь, что самое страшное чудовище живет не за дверью, а внутри.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Елизавета Ковальская

Мрак

Глава 1

Тик-так. Тик-так. Звук был такой ровный, такой безупречно точный, что от него хотелось сорвать часы со стены и швырнуть в окно. Кира стояла у окна в своей комнате, глядя на улицу, где город ещё не проснулся по-настоящему, а только притворялся бодрым. Асфальт был тёмным от ночного дождя, и в каждой луже отражалось серое, бесцветное небо. Часы на тумбочке отбивали размеренный ритм, и Кира вслушивалась в этот тихий, чёткий звук, цепляясь за него, как за единственный якорь в комнате, которая почему-то с каждым днём становилась всё теснее. Иногда ей казалось, что стены чуть-чуть сдвигаются, когда она моргает, — совсем на миллиметр, но достаточно, чтобы почувствовать себя в ловушке.

Тик-так. Так-так. Вдох. Выдох. Она закрыла глаза, медленно втянула в себя воздух, стараясь поймать тот самый момент, когда лёгкие наполняются до предела, а мысли на долю секунды перестают метаться, как загнанные птицы. Задержала дыхание, будто если не впускать в себя этот мир хоть несколько секунд, он не сможет причинить ей вреда.

Тут в спину ударил поток воздуха — это открылась

дверь. От неожиданности девушка вздрогнула, и этот резкий, неконтролируемый жест разозлил её саму: она не любила показывать, что её можно напугать.

— Ты что? Ещё не готова? — мама Киры стояла в проходе и смотрела на неё злобным взглядом, изящно изогнув одну идеально вычерченную бровь.

Кира, наконец выдохнув, обернулась. Её мать, как всегда безупречно одетая, с аккуратным макияжем и филигранно закрученными локонами, смотрела на неё не моргая. В этом взгляде было что-то неживое — будто перед Кирой стояла не женщина, а манекен, которому забыли стереть с лица выражение вечного недовольства. И от этой идеальной неподвижности становилось только страшнее: казалось, что любое движение Киры, любой её вздох нарушит эту хрупкую, ядовитую гармонию, и тогда последует удар.

— Чего молчишь? Онемела? А ну марш в школу. Стоишь гипнотизируешь меня.

Слова прозвучали не как просьба и даже не как приказ — они падали в тишину комнаты, как мелкие камешки в колодец: глухо, без всплеска, но с долгим, нарастающим эхом.

Кира молча развернулась и взяла со стола свою чёрную маленькую сумочку. Пальцы на мгновение задержались на гладкой, чуть потёртой коже — это была единственная вещь, которую Кира по-настоящему любила. Ей купил ее отец. Кире тогда было пять лет, она конечно не носила такие сумки, но как истинная маленькая леди интересовалась "женскими

штучками". Кира помнила, как папа бродил с ней по торговому центру и она увидела эту сумку на витрине. Маленькая, изящная, в детском сознании Киры она как будто стояла и светилась на этой витрине. По крайней мере, девушка запомнила это так.

Снова в сознании Киры вспыхнула папина улыбка, его глаза, полные нежности к дочери. "Нравится? - сказал он - Моя маленькая модница. Возьмем тебе ее на вырост?". Кира в тот момент быстро-быстро закивала, как болванчик на приборной панели автомобиля. Теперь эта сумка была для нее чем-то вроде щита от внешнего мира.- Долго стоять будешь? - голос такой ледяной, холодный. С одной стороны лишенный окраски, но с другой.. Кира уже научилась определять незначительные изменения в интонации матери и поняла, она по-настоящему разозлилась.

Последний раз бросила взгляд на улицу в окне. Там, за стеклом, мир казался чужим и отстранённым, как кадр из старого чёрно-белого фильма. И в этом отстранении было даже какое-то утешение: если всё вокруг — кино, значит, она просто актриса, и её боль тоже ненастоящая.

Медленными ритмичными шагами Кира направлялась в школу. Сегодня первое сентября. Последний учебный год. Эта мысль должна была приносить облегчение, но вместо этого она звучала в голове, как приговор: целый год ещё нужно продержаться, не сломаться, не сорваться, не дать никому увидеть, как сильно она устала.

Девушка шла по вымощенной плиткой улице и думала: «Почему она со мной так? Что я ей сделала? Родилась? Ну это ведь не мой выбор — появиться на свет. Почему нельзя было сделать аборт?» Кира каждый раз задавала себе эти вопросы после разговоров с мамой и каждый раз не находила на них ответа. Оставалось только прятать эту пустоту за чёрными вещами, за тишиной, за привычным «всё нормально». «Осталось продержаться один год. Последний. И я смогу уехать от неё подальше».

Утреннее солнце начинало припекать, но его тепло не проникало сквозь ту невидимую броню, которой Кира обросла за годы. Первый день осени ничем не отличался от прошедших летних дней: тот же воздух, тот же запах пыли и выхлопных газов, та же тяжесть в груди, которая не исчезала ни от ветра, ни от солнца. Кира посмотрела на время в своём телефоне и ускорила шаг. Тихий шелест деревьев над головой успокаивал, но это было хрупкое, обманчивое спокойствие — как тишина перед грозой. Она старалась идти, не сбивая дыхания, будто если ритм шагов останется ровным, то и её внутренний мир не развалится на части.

Подняла голову и осмотрелась по сторонам. Вокруг были такие же школьники. Девчонки и мальчишки в ослепительно белых рубашках и блузках шли небольшими группками к её школе. В руках почти у всех — огромные букеты, тяжёлые, яркие, словно маленькие солнца. Повсюду слышался смех, радостные возгласы первоклашек, которые ещё верили, что

этот день — настоящий праздник. Кира глубоко вдохнула в себя воздух, пропитанный ароматом цветов, задержала дыхание, выдохнула. Так она себя успокаивала. Она не очень любила большие скопления людей, больше предпочитала находиться в одиночестве, где не нужно было улыбаться, когда не хочется, или делать вид, что всё хорошо.

С трудом протиснувшись через толпу около главного входа, она направилась на школьный двор. Среди других классов, уже стоявших на своих местах по периметру двора, она нашла свой. Светлана Александровна, классный руководитель Киры, стояла к ней спиной и увлечённо расставляла своих учеников в стройные ряды. Каждое её движение было резким, нервным, на протяжении шести лет она пыталась загнать своих подопечных в общепринятые рамки. И до сих пор не теряла надежды.

— Здравствуйте, — тихо сказала Кира, остановившись в паре шагов от учительницы.

Светлана Александровна обернулась на её голос и оглядела девушку с ног до головы. При этом, как отметила Кира, её выражение лица быстро поменялось с озабоченного и увлечённого на недовольное. В этом мгновенном переходе было что-то пугающее: как будто Кира своим появлением нарушила тщательно выстроенную картину мира Светланы Александровны, и теперь учительница смотрела на неё как на пятно, которое никак не удаётся стереть.

— Кира. Ты. Ну, другого я от тебя и не ожидала. Как все-

гда, не по форме. Я уже давно закрыла глаза на то, как ты ходишь на уроки, но уж на линейку могла бы надеть на себя хотя бы белую рубашку? Неужели так сложно? Я что, многого прошу?

Кира лишь смотрела ей в глаза и молчала. На ней было сегодня чёрное приталенное платье, почти до пола и такого же цвета кеды. Она любила этот цвет, ей было в нём комфортно. Даже волосы красила в тёмный. Она никогда не одевалась так, как ей говорили. Только так, как комфортно самой. И белую рубашку не надела потому, что у неё её просто не было. Мама не следила за гардеробом дочери лет с двенадцати, но, надо отдать ей должное, всегда давала деньги на новую одежду, несмотря на их напряжённые отношения.

Кира и Светлана Александровна смотрели друг другу в глаза уже около десяти секунд. Учительница сдалась первая. Она иногда побаивалась эту девчонку. Ей казалось, что Кира смотрит сквозь неё, от чего у женщины пробежал мороз по коже. Моргнув, Светлана Александровна сказала:

— Ладно, что мне с тобой делать. Иди в конец строя. И чтобы я тебя не видела! Не порти своим внешним видом впечатление от МОЕГО класса!

Кира спокойно последовала указаниям. Проходя мимо первого ряда шеренги 11 «А», она лишь мимолётно кивнула девочке со светлыми кудряшками, собранными в два высоких хвостика. Виолетта. Её лучшая и единственная подруга. В этом море чужих, равнодушных или слишком радостных

лиц Виолетта была единственным островком, где можно было ненадолго снять броню и просто быть собой.

— Эй, ты как? — прошептала Виолетта, когда Кира поравнялась с ней.

Кира чуть наклонила голову, будто прислушиваясь не к словам, а к интонации.

— Нормально. Всё как обычно, — ответила она, но голос прозвучал чуть глуше, чем нужно, будто пробивался сквозь вату.

Виолетта прищурилась, изучая её лицо, как будто пыталась прочитать то, что Кира не говорила вслух.

— Точно? Ты какая-то не такая. Бледная. Или мне кажется?

— Просто не выспалась, — Кира пожала плечами, но сама почувствовала, как это движение вышло слишком резким, неестественно угловатым.

-- Кира! На задние ряды! Быстро! - линейка уже началась и Светлана Александровна искренне переживала что черное пятно в лице Киры на фоне ее идеального класса испортит отношение руководства школы к ней. -- Потом поговорим, - бросила Кира еле слышно Виолетте и пошла назад, за стройные шеренги учеников.

Началась торжественная церемония открытия нового учебного года. Речь директора, выступления первоклассников, выступление какого-то «знаменитого» танцевального городского коллектива. Киру это не очень интересовало. Она

наблюдала каждый год одну и ту же программу, и от этой повторяемости становилось только тоскливее: будто время шло, а ничего не менялось. «И почему нельзя было придумать что-то новое? Самим не надоело?» — подумалось ей.

От нечего делать она отошла чуть дальше от своего класса и стала рассматривать людей вокруг. «Одни и те же лица. Как хорошо, что я вижу их последний год». Эти мысли должны были приносить радость, но вместо этого оставляли во рту горький привкус, как будто она прощалась не с надоевшей школой, а с частью себя, которую придётся оставить здесь.

Когда ученица 9 «Б» класса, которая якобы занималась вокалом чуть ли не с пелёнок, затянула в очередной раз какую-то песню про школьные года, на памяти Киры это уже третий год исполнения этой песни, у девушки произвольно закатились глаза. Старенькая школьная аппаратура трещала, шипела, издавала какой-то визг, и ощущение было такое, что там, в середине школьного двора, режут свинью, а не поют. «Третий год слушаю эту песню, но ни разу не разобрала слов», — Кира поморщилась и произвольно глянула в сторону 11 «Б».

За учениками параллельного класса, знакомых Кире, стоял какой-то парень. Тёмные волосы волнами падали на его лоб, кожа была бледной, идеально ровной, почти фарфоровой, будто он никогда не видел солнца. Одет он был в чёрную рубашку и рваные чёрные джинсы. В нём было что-то неправильное, выбивающееся из общей картины праздника:

все вокруг были в белом, в ярком, в цветах, а он — в чёрном, как тень, которую забыли стереть. «Новенький? Видимо, так же, как и меня из-за внешнего вида поставили в конец», — подумала Кира, но в этой мысли не было привычного цинизма. Вместо этого внутри что-то шевельнулось — не страх, не раздражение, а что-то похожее на любопытство, осторожное, как у младенца, который первый раз рассматривает новоиспеченных родственников.

Она снова перевела взгляд на лицо парня. В этот раз он смотрел прямо на Киру. Его губы, очерченные чётким контуром, изогнулись в усмешке — не злой, не насмешливой, а какой-то понимающей, будто он знал, что она чувствует, и разделял это чувство. «Видимо, его это шоу радует так же, как и меня», — сама от себя не ожидая, Кира улыбнулась ему в ответ. Это была не широкая, открытая улыбка, а едва заметный изгиб губ, почти неуловимый, но в нём было что-то настоящее, что-то, что заставило её на мгновение забыть про шум, про толпу, про ненавистную линейку.

И в эту секунду мир будто сжался до одной точки: только она, только он, только этот молчаливый обмен улыбками среди хаоса. А потом кто-то толкнул её в плечо, кто-то закричал, аппаратура снова взвизгнула, и момент рассыпался, как стекло, разлетевшееся на тысячи осколков. Но ощущение осталось: будто где-то рядом, в этом переполненном дворе, есть кто-то, кто видит её настоящую.

После окончания торжественной части к Кире подбежала

Виолетта:

— Ну что, выжила? — она говорила нарочно бодро, как будто если говорить достаточно громко и весело, то всё плохое просто не успеет подкрасться.

Кира кивнула, всё ещё чувствуя на губах ту самую, едва заметную улыбку.

— Да. Вроде.

— Ты опять витала в облаках. Я тебя три раза окликнула, а ты даже не моргнула. Что там такого интересного было? — Виолетта проследила за взглядом Киры и прищурилась. — Или кого?

Кира хотела было сказать «никого», но слова застряли в горле. Она быстро огляделась, пытаясь найти среди толпы тот самый силуэт в чёрном. Но парня нигде не было. Казалось, он растворился в воздухе, как сон, который забывается сразу после пробуждения.

— Да никого. Просто задумалась, — сказала Кира, но голос прозвучал неуверенно, будто она сама себе не верила.

— Слушай, ты меня иногда пугаешь. То ты молчишь, то смотришь сквозь меня, то улыбаешься непонятно чему. Если что-то происходит, ты скажи, ладно? — Виолетта положила руку ей на плечо, и это простое, тёплое прикосновение на секунду пробило броню Киры.

— Скажу, — тихо пообещала Кира. И сама удивилась, насколько искренне это прозвучало.

— Мы летом почти не виделись, я звонила тебе много раз,

а ты то занята, то трубку не берёшь. То обещаешь перезвонить и не перезваниваешь. Всё в порядке? — Виола говорила без обиды, в голосе чувствовалось искреннее беспокойство. За это Кира её и любила. Виолетта была единственным человеком в её жизни, который действительно, кажется, беспокоился о ней.

— Слишком много всего произошло. Долго рассказывать. Давай лучше после классного часа посидим в парке, поболтаем. Идёт?

— Конечно! Я всегда за.

Их диалог прервал звучный голос классной руководительницы:

— Девочки! Мы долго будем вас ждать?

— Уже идём! — сказала Виола, и они вместе с Кирой быстрым шагом пошли в класс.

Но пока они шли, Кира не могла отделаться от ощущения, что кто-то смотрит ей в спину. Она украдкой обернулась, пытаясь найти среди толпы тот самый силуэт в чёрном. Но парня нигде не было. Казалось, он растворился в воздухе, как сон, который забывается сразу после пробуждения. И только лёгкая улыбка всё ещё жила на её губах, напоминая, что он был настоящим, самым настоящим на этом празднике тщеславия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.